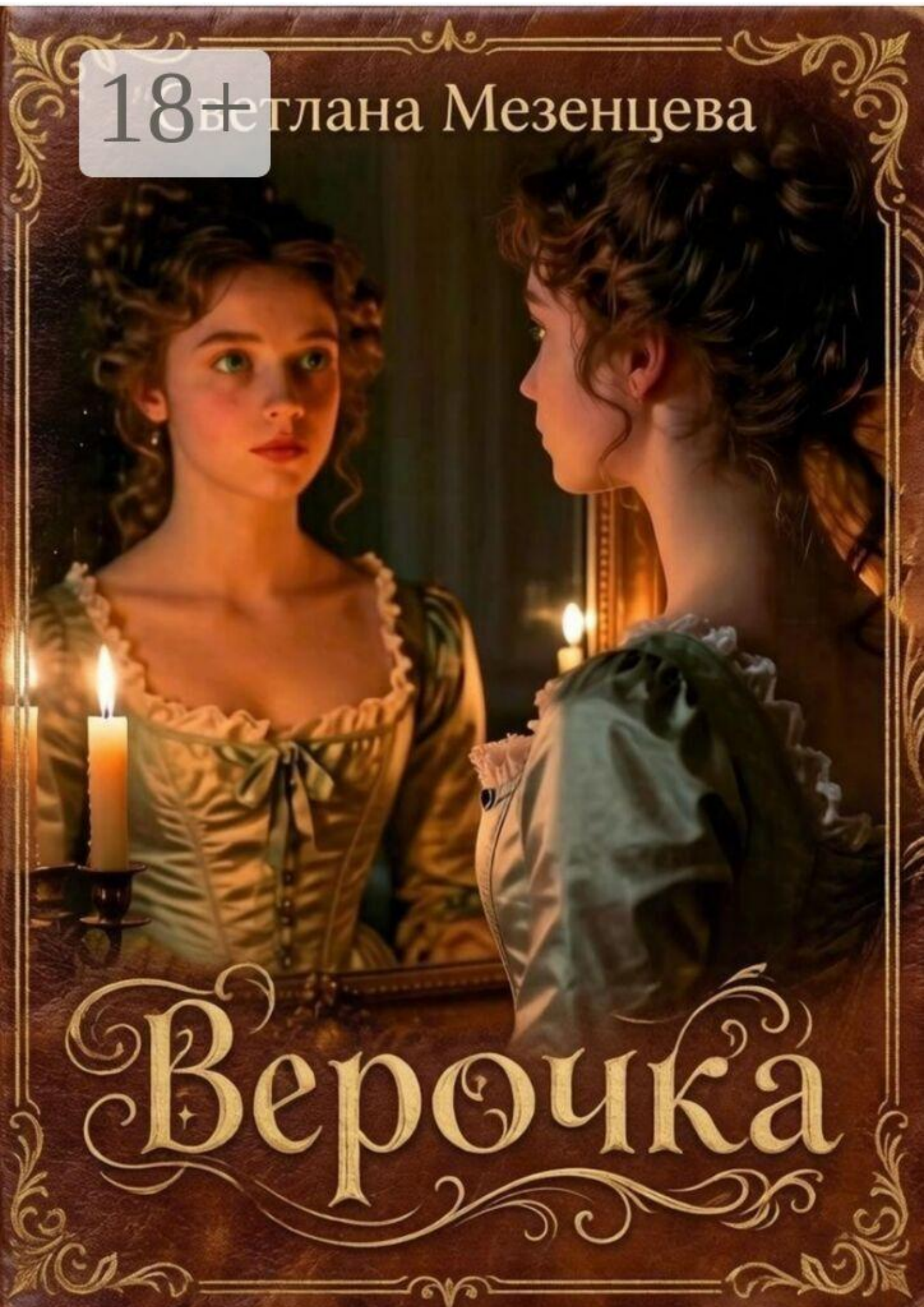

18+ Светлана Мезенцева

Верочка

Светлана Мезенцева

Верочка

«Издательские решения»

Мезенцева С.

Верочка / С. Мезенцева — «Издательские решения»,

Верочка привыкла быть «дурнушкой»: прятаться в тени, читать запретные романы и гнать прочь мечты. Всё рушится в жаркий майский день, когда в лавку отца заходит высокий незнакомец. Гвозди, монпансье, вопрос, от которого замирает сердце, — и Верочка уже не просто дочь купца, а женщина, готовая бороться за своё счастье. Отец видит выгодную партию, мать — шанс для дочери, а Верочка — возможность стать другой. Но успеет ли она узнать тайну таинственного инженера Старостина?

© Мезенцева С.

© Издательские решения

Содержание

Несостоявшееся сватовство	6
Встреча	7
Верочка	9
Переживания Верочки и Евграфа Пантелеймоновича	11
Глашкин рассказ	13
Разговор с матушкой	15
Утро после ночной грозы	18
Чаепитие в саду	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Верочка

Светлана Мезенцева

Редактор Анна Сергеева

Дизайнер обложки с использованием ИИ Мезенцева Светлана

© Светлана Мезенцева, 2026

© с использованием ИИ Мезенцева Светлана, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-0390-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Несостоявшееся сватовство

#

Евграф Пантелеймонович Силантьев, купец третьей гильдии, владел лавкой, где торговал всякой всячиной. Жил бы себе припеваючи, но судьба «наградила» его тремя дочерьми, не блиставшими ни красотой, ни умом. Как ни молился Силантьев, всё тщетно. В отсутствии наследника Евграф винил жену — Марию Игнатьевну. Он женился на ней уже в зрелом возрасте, торопясь обзавестись продолжателем дела. Но пышнотелая и молодая супруга (ей было двадцать лет от роду) рожала лишь девок. Обо всём этом Евграф Пантелеймонович размышлял, сидя за столом и делая вид, что читает «Городские ведомости».

— Чайку, тятенька? — раздался голос Верочки, старшей дочери.

Девушка она была видная: ладная, фигуристая, но вот лицом не отличалась, а сообразительностью — и подавно. Отец пытался обучить её торговому делу, но наука Верочке не давалась. Евграф очнулся от своих размышлений и захлопнул газету.

— Мария Игнатьевна, велите Глашке самовар ведёрный разводить. Гость у нас сегодня будет. И сервиз новый поставьте, — распорядился он.

— А что за гость-то, батюшка?

— Приказчик из лавки Морозова, Пётр Валерьянович Кузин. А ты, Верка, марш наряжаться! Да косу уложи получше.

Верочка послушно удалилась.

— Ты что это, Евграф, задумал? — робко спросила жена. — Неужто сватать Верочку? Так приказчик нам вроде как не ровня. Да и молода она ещё, всего-то восемнадцать годков.

— Цыц, дура-баба! Нарожала девок, а работать кто будет? Одна другой глупее. А мне помощник нужен, не молод я уже! Пётр Валерьянович умён и прижимист — будет на кого дело оставить.

— Ой, что удумал... Стар ведь он для неё, — запричитала Мария Игнатьевна.

— А от молодого какой прок? Одни амбиции, а трудиться неохота!

На том и замолчали.

Глашка, дворовая девка, водрузила на стол тяжёлый самовар и расставила новую посуду. Вскоре вышла и Верочка: принаряженная, с тугой косой вокруг головы. Блузка на груди — того и гляди пуговицы отлетят. «Эх, ума бы тебе столько, сколько плоти!» — в сердцах подумал Евграф Пантелеймонович.

#Часы пробили восемь, а приказчик Кузин всё не шёл. На столе остывал самовар. Верочка сладко зевнула.

— Пойду я, тятенька, спать. Видать, не придёт ваш гость.

— А кого ожидали-то? Уж не приказчика Кузина ли? — вдруг подала голос Глашка, убиравшая на кухне. — Так Клавка, что у Варламовых служит, сказывала: Дашка их хвасталась, будто вечером Пётр Валерьянович к ним соизволят с визитом быть. Да не с простым, а на смотрины. Оно и понятно: Дашке-то давно пора, засиделась в девках.

— Цыц, дура! — Евграф Пантелеймонович покраснел, как варёный рак. «Ох, шельмец Варламов, увёл жениха! Из-под самого носа увёл!»

Верочка потянулась, встала и лениво понесла свои пышные телеса в спальню.

— Тьфу ты, вот дура! — пробормотал ей вслед отец.

А на столе окончательно остывал неприкаянный ведёрный самовар.

Встреча

Евграф Пантелеймонович Силантьев никак не мог успокоиться после вероломного предательства приказчика Кузина. Иначе его поступок и назвать не мог. После неудавшихся смотрин купец даже захандрил — по крайней мере, так казалось Марии Игнатьевне. На самом же деле Евграф не терял надежды пристроить свою Верочку.

Стоял невыносимо жаркий май. Покупатели будто попрятались по домам. Силантьев сидел в лавке и время от времени заводил патефон, в надежде, что музыка привлечёт случайных прохожих.

Верочка, разомлевшая от зноя, устроилась у окна. Она частенько спускалась в лавку поглазеть на людей, послушать пластинки или просто от нечего делать. Сейчас она лениво пыталась прихлопнуть муху свёрнутым номером «Городских ведомостей».

Звякнул дверной колокольчик. Купец встрепенулся и соскочил с мягкого табурета. На пороге возник молодой человек лет двадцати восьми — тридцати. Высокий, статный, сюртук и жилет из добротного сукна явно пошиты на заказ — уж слишком ладно они сидели на фигуре. Гость на мгновение замер, оценивающим взглядом окинул лавку и задержался на Верочке. Та, не обращая внимания на вошедшего, всё так же гипнотизировала оглушённую муху.

— Чего изволите, сударь?

— Доброго дня всем! — молодой человек снова посмотрел на девушку.

Верочка наконец отвлеклась от мухи и обернулась. Силантьев не пропустил этого ответного взгляда и тут же впился глазами в руки незнакомца в поисках обручального кольца. Его не было!

— Так чего же желает сударь? — запел соловьём Евграф Пантелеймонович.

— Ах, да-да, — опомнился гость, нехотя поворачиваясь к хозяину. — Мне бы гвоздей. Есть они у вас?

— Как не быть, сударь, конечно, есть. Каких изволите? И много ли?

— Да любых!

«Понятно. Сейчас, сейчас продам я тебе гвоздей», — смекнул про себя Евграф Пантелеймонович.

— Верочка, душа моя, — пропел он вслух. — Помоги-ка мне, подай бумаги для завёртки.

Верочка растерянно переводила взгляд с на отца на незнакомца. С тех пор, как она по ошибке подала покупателю атлас вместо шёлка, отец на неё всерьёз осерчал и никогда больше не просил помощи в лавке.

Евграф, насколько мог, жестами и глазами показывал дочери, где именно лежит эта заветная бумага.

— Так для чего вам гвозди, сударь?

— Понимаете, у меня в съёмной квартире ужасно скрипят полы, а я терпеть этого не могу. Решил вот поправить ситуацию, пока мой собственный дом готовится.

— Да-да, конечно! — засуетился купец, а сам подумал: «Ого, и дом имеется! И кольца на пальце нет. Может, просто не носит?» Вслух же произнес:

— У нас лучшие в городе гвозди! Кованые! Ковал их первый мастер в округе. Вы только посмотрите, какая у них форма... А шляпка! Это же не гвоздь, а настоящее загляденье! Верочка, душа моя, что же ты стоишь? Подай бумагу!

Верочка, подобрав юбку, пошла — нет, не пошла, а словно поплыла. Молодой человек наблюдал за ней заворожённо, а Евграф Пантелеймонович — за ним. Оторвав кусок от рулона, Верочка направилась к прилавку. Хоть лавка и была просторная, она прошла так близко к незнакомцу, что едва не коснулась его высокой грудью.

«Вот ведь шельма! — изумился про себя отец. — И откуда что взялось? Да кто их разберёт, баб этих!»

— Так сколько вам гвоздей, сударь?

А незнакомец не мог отвести взгляд от Верочки. Она же будто нарочно, потупив взгляд, принялась разглаживать складки юбки на крутых бёдрах.

— А? Да-да... давайте десятка три!

— А не желаете ли чего-нибудь для супруги вашей? — Евграф, наконец, нашёл способ разведать семейное положение гостя.

— Что? Какой супруги? Да бог с вами, сударь, я не женат.

«Вот и попался ты, милоч!» — купец мысленно потирал руки, уже представляя дочку под венцом. Гвозди были завёрнуты, но незнакомец медлил.

— Что-нибудь ещё? — пришёл на помощь хитрый хозяин.

— Да... Пожалуй, монпансье.

«Монпансье? Не иначе, зазноба уже есть», — с ужасом подумал Евграф.

Он подал жестяную коробочку. Молодой человек взял её и повернулся к девушке:

— Сударыня, а вы любите монпансье?

Евграф Пантелеймонович медленно опустился на табурет: «Нет никакой барышни. Для неё берёт!»

— Монпансье? Я?.. — Верочка медленно подняла глаза, грудь её часто вздымалась. Она уже протянула руку, но тут купец опомнился:

— Верочка, ступай, помоги матери на стол накрыть. А вы, сударь, уж простите покорно, время обеденное, лавка закрывается.

Верочка отдернула руку и поспешила к лестнице, ведущей в жилые комнаты. Незнакомец встрепенулся, быстро расплатился и вышел. Едва за ним закрылась дверь, Евграф выскочил из-за прилавка и крикнул во всё горло:

— Глашка! Поди сюда! Да шибче, шибче!

«Надо всё разузнать об этом молодчике, — решил он. — А кто, как не Глашка, сделает это лучше всех?»

Верочка

#

Пришло время, дорогой читатель, познакомиться с Верочкой поближе. Когда она появилась на свет, Евграф расстроился — он ведь страстно мечтал о сыне. Дочь назвали Верой не в чью-то честь, а потому что тятенька неистово верил: Бог воздаст по его молитвам и пошлёт-таки наследника. Как и положено, в девять лет Верочка поступила в гимназию. Училась неплохо, хотя в отличницах и не числилась. Могла бы, да скорее всего, не считала это нужным.

До поры до времени Евграф гордился дочерью. Но один случай заставил его решить, что Верочка «тупа как пробка». Случилось это на Пасху. В доме было полно гостей. Отцы, разговевшись кагором, решили похвастаться друг перед другом своими чадами: кто пел, кто танцевал, кто декламировал стихи. Евграф Пантелеймонович тоже решил блеснуть: поставил дочь на табурет и велел прочесть французский стишок. Верочка знала его назубок и очень любила, но от волнения оробела и не смогла вымолвить ни слова. Тятенька вскипел и бросил гостям:

— Ох, люди добрые, простите! Нарожала мне матушка дочек, одна другой краше... А Верка так и вовсе чурбан неотёсанный: ни красоты в ней, ни ума.

И принялся снова разливать по рюмкам. Про Верочку тут же забыли. Она долго ещё стояла на табуретке, не замеченная никем, и боялась слезть. Когда же наконец решила спуститься, её снова никто не увидел. Лишь игравший в салочки сын какого-то купца столкнулся с ней и зло бросил: «Дура». Верочка бросилась в свою комнату, упала на кровать, а в голове набатом стучало: «Ни красоты, ни ума! Дура!»

С тех пор девочка почти перестала учиться, замкнулась в себе. Будто доказывая всем: «Раз я дура и дурнушка, так и буду такой». Она нарочно заплетала волосы кое-как, даже не пытаясь совладать со своей тугой косой, в отличие от нарядных сверстниц.

Подруг у неё не водилось, кроме Машки Бругер — дочки немецкого галантерейщика. Настоящая веселушка! Неизвестно почему, но Верочка с ней сдружилась. С Машкой было легко и просто: та часто пыталась растормошить подругу, ругала её за нелюдимость, но Верочка не обижалась, а лишь сильнее к ней привязывалась.

Именно с Машуни и началось Верочкино взросление. Однажды подруга после уроков сунула ей небольшую книжицу, шепнув: «Держи! Даю только на ночь. Смотри, никому ни гу-гу!» Экипаж за Машкой уже приехал, и она убежала. Верочка, оглядевшись по сторонам, быстро спрятала книжку в портфель. «Что же там такое, раз нельзя никому показывать?» — гадала она по дороге домой.

Едва дождавшись конца ужина, Верочка сослалась на головную боль и ушла в свою комнату, не обращая внимания на просьбы младших сестёр поиграть. Забралась под одеяло на случай, если маменька решит заглянуть, достала из потайного места книгу. Это был фривольный любовный роман. Верочка читала, не веря глазам своим, и не могла остановиться. Её то бросало в жар, то словно окатывало ледяной водой, а внизу живота странно и сладко сжималось. Она уснула только с первыми лучами солнца — всё перечитывала отдельные страницы, раз за разом испытывая неведомые прежде чувства.

В гимназии Машуня только и спросила:

— Ну как?

Увидев, как зарделись щёки подруги, она, не дожидаясь ответа, предложила:

— Хочешь ещё?

Верочка, опустив глаза, быстро закивала. Машуня взяла её за руку и, увлекая в класс, зашептала на ухо:

— А помнишь, как Антуан обнимал Жозефину? Понравилось тебе?

Лицо Верочки вспыхнуло ещё сильнее. Так и повелось: Машуня неведомо где добывала книжки, а Верочка их проглатывала. Порой она вставала посреди ночи, подносила свечу к зеркалу и разглядывала свою наливающуюся фигуру, робко касаясь упругих изгибов груди. Она представляла, как какой-нибудь красавец — в романах другие не водились — нежно обнимает её и целует в шею. В такие ночи сон не шёл, Верочка металась по кровати, не зная, как совладать с нахлынувшей истомой. Днём она гнала от себя ночные видения. Но стоило Машуне, передавая очередной роман, приняться за пересказ сцен соблазнения, как муки возвращались. То же повторялось, когда Глашка со смешком по секрету рассказывала на кухне, как какой-то ямщик зажал в углу дворовую девку, а та потом «понесла».

Гимназия осталась позади, и видеться с Машуней стало почти невозможно. Лишившись подпитки новыми романами, Верочка понемногу успокоилась. Лишь перед сном она иногда замирала перед зеркалом, наблюдая, как меняется её тело: грудь налилась и стала тяжелее, округлились бедра, отчего талия казалась совсем тонкой.

Сидя в отцовской лавке под звуки патефона, она часто представляла, что гуляющие по улице пары — это герои любовных романов. В такие моменты Верочка отрешалась от мира, погружаясь в глубокую задумчивость. Именно в один из таких моментов тятенька и попросил подать шёлк. Перед Верочкой стояла молодая чета, и она вдруг живо вообразила, как этот статный франт вынимает шпильки из её причёски... Как волосы тяжёлой волной падают на обнажённые плечи, а он нежно гладит её шею тонкими пальцами, спускаясь всё ниже и ниже...

Резкий окрик отца вернул её к реальности: «Верочка, что ты мне суёшь? Простите, господа, девка у меня немного не в себе. Дура дурой выросла!»

Верочка от стыда закрыла лицо руками и, как в детстве, сбежала в свою комнату. Снова подушка, и снова в голове набатом: «Дура дурой!». С тех пор она ещё глубже ушла в себя, спрятав страстную натуру под маской безразличия. Лишь по ночам, перечитывая книги, которые Машуня передавала ей при редких встречах, она становилась сама собой — пылкой мечтательницей.

Но сегодняшняя встреча с незнакомцем перевернула в душе Верочки всё вверх дном.

Переживания Верочки и Евграфа Пантелеймоновича

Вернёмся снова в дом Силантьевых. Глашка медленно спустилась в лавку:

— Чего вам, барин?

— Видишь вон того молодого человека, что стоит напротив? Пойдешь за ним и разузнаешь, кто таков? Поняла ли? Как только узнаешь, сразу же домой — и не смей упустить его из виду!

Глашка девкой была сметливой.

— Никак опять жениха для Верочки подыскиваете? Мало вам Кузина, Евграф Пантелеймонович?

— Цыц, дура! Кузин — неровня нам. Пусть Варламов себе в зятя приказчика берёт! А то ведь почернел весь от Дашки своей баламутной. Ну иди уже! Иди, а то упустить ненароком.

Глашка вышла из лавки в то самое время, когда незнакомец поворачивал за угол. Подобрав подол, Аглая бросилась за ним что есть духу. Не дай бог и на самом деле упустит! — подумала она.

Тем временем Евграф Пантелеймонович закрыл лавку изнутри и поднялся в свои апартаменты.

Мария Игнатьевна сидела за вышивкой. Оторвавшись от рукоделия, она спросила:

— Что, обедать, батюшка?

— Да не хочется что-то, Марьюшка. Жарко.

Мария Игнатьевна удивилась, но виду не подала: «Давно он меня так не называл. С чего бы это?»

Евграф Пантелеймонович не находил себе места. Сел было газету почитать — не читалось. Встал и стал мерить комнату шагами.

«Да что это с ним? Что у них там случилось? Вон и Верочка прибежала сама не своя... Ой, Верочка, Верочка! И что творится с ней? Может, и вправду замуж пора?» — думала Мария Игнатьевна. Много раз уже замечала, что с дочкой что-то неладное творится. Пыталась завести с ней разговор, но всё время натыкалась на её отрешённый взгляд. «Неужто прав Евграф — не в себе она?»

Раздумья Марии Игнатьевны прервал вопрос Евграфа Пантелеймоновича:

— А где Верочка-то, матушка?

— Да вот вбежала сама не своя и опять в своей комнате спряталась. Ой, неладное что-то творится с ней, батюшка. Ой, неладное!

— Ничего, ничего. Вот выйдет замуж — и образумится!

Евграф остановился наконец у окна. Достал часы из нагрудного кармана, посмотрел на них: «Да где ж эта Глашка?» И снова начал ходить туда-сюда.

Тем временем Верочка в своей комнате никак не могла прийти в себя. Металась по комнате: то садилась на кровать, то снова вскакивала и начинала зачем-то перебирать в шкафу свои платья. Бросала их и опять садилась. Вскокивала, доставала шкатулку с немногочисленными украшениями, лихорадочно вынимала их и складывала обратно. Наконец остановилась напротив зеркала и уставилась на своё отражение: глаза сверкали, щёки горели. Она быстрым шагом подбежала к комоду, достала гребень и шпильки, распустила растрёпанную косу и неистово начала расчёсывать волосы. Уложила непослушные пряди в замысловатую причёску, облизнула губы и посмотрела в зеркало — сама не узнала себя. Перед ней стояла молодая красавица с горящими глазами. Верочка всё смотрела и смотрела на своё отражение.

В какой-то миг взгляд её погас. Она медленно подошла к столу, опустилась на стул и стала медленно вынимать шпильки из причёски. Локоны, словно волны, один за другим падали на плечи и спину. И вдруг поток слёз захлестнул бедную девушку:

«Нет, нет! Это невозможно! Я его больше никогда не увижу! Я даже имени его не знаю! О боже, как он хорош собой... Разве можно мечтать, чтобы он заметил меня? А его голос... Вы любите монпансье? Боже, боже мой! Какая же я несчастная! А вдруг он придёт ещё раз? Он же сказал, что у него скоро будет свой дом! А для дома ведь столько всего нужно... Нет, нет, он не придёт. А может, он придёт к службе в субботу? Ведь не может он не ходить в церковь?» — роились мысли в голове у Верочки.

#

А Евграф Пантелеймонович уже в четвёртый раз доставал часы: «Где же эта чёртова девка?»

Глашка шла по улице, глаза по сторонам, словно выискивая знакомых — с кем бы можно было постоять, посплетничать. Ведь когда ещё такая удача выпадет! Сам Евграф Пантелеймонович послал её по делу, от которого им обоим будет определённая выгода: он узнает о незнакомце, а она нагуляется вдоволь.

Так и не найдя, с кем перемолвиться словечком, Глашка направилась домой. Увидев её в окно, Евграф Пантелеймонович рысью сбежал по лестнице в лавку, распахнул входную дверь и вышел на крыльцо. Аглая шла медленно, боясь упустить последнюю возможность поболтать с кем-нибудь. Евграф хотел уже было окликнуть её, но Глашка увидела его и прибавила шаг. Хозяин вернулся в лавку.

Глашкин рассказ

— Ну, что узнала? И где ты была? — спросил Евграф, как только Аглая переступила порог лавки.

Глашка жила в доме уже шесть лет и сразу поняла, как себя сейчас надо вести, чтобы получить хорошую выгоду для себя.

— Евграф Пантелеймонович, ну и задали вы мне задачу! Чуть все ноги не стоптала, измаялась вся по жаре-то этакой...

— Глашка... — хозяин сжал правую руку в кулак.

— А что «Глашка» -то? Ну, узнала я кой-что о вашем красавце...

— И что?

— Звать его Илья Петрович Старостин.

— Глашка... — Кулак купца сжимался всё пуще.

— Так вот, пошла я, значит, за ним. Никуда он больше не заходил, а напрямиком в доходный дом Манкова направился. Ну, знаете, тот, что на Яблоневоу улице?

Евграф уже терял терпение, а девка не торопилась продолжать.

— Ну?

— А там, как вы помните, служит управляющим мой дядька. Ну, помните, который меня к вам привёл?

— Помню, помню...

— Так вот, дядька-то мой захворал, да так сильно, что забрали его в больницу... А можно я завтра к нему схожу?

— Можно, можно... Так как ты узнала его имя? И кто он такой, этот Старостин?

— А вы не забудьте, что обещали меня отпустить! Зашёл наш красавчик с гвоздями в дом. Да он вот гвоздь один обронил и не заметил. Я подобрала — денег ведь стоит. — Глашка достала гвоздь и протянула Евграфу Пантелеймоновичу — Продадите снова...

Евграф взял гвоздь и строго посмотрел на Глашку.

— Так не забудете?

— Аглая, не выводи меня из себя...

— Дядька-то мой захворал, и узнать про постояльца я в доходном доме не смогла. Решила подождать — может, пойдёт куда ещё... Купила пакет семушек и уселась в скверике напротив, в тенёчек, значит. Жара-то какая сегодня, не иначе гроза будет — парит-то как...

Евграф готов был уже придушить болтливую девку. Глашка же начала рассказывать, что тенёчек от жары её не спасал, а семушки были затхлые и недосушенные.

— Аглая, давай уже по делу. Кто таков этот Старостин?

— Ах да, Старостин... Он, значит, пробыл в доме около часа — городские часы аккурат два раза пробили, — вышел и направился в сторону кожевенной фабрики. Я припустила за ним, как вы и велели, чуть от ног не отстала. По этакой-то жаре кто ж гуляет? Народу на улицах совсем нет! Все по домам сидят. Не иначе к ночи гроза будет. Парит-то как...

Евграф Пантелеймонович сделался красный, как рак. Доведёт его эта девка до удара. Аглая же рассуждала о том, что помнит, как когда-то — не помнит в каком году, мала ещё была, — в грозу у них одного молнией убило. Шёл, шёл он по улице, а молния как даст! Мужик словно головёшка сделался, обгорел весь... Но, заметив перемены в лице хозяина, остановилась.

— Что это с вами, барин? Говорю ж, жара.

— Про Старостина давай, — сквозь зубы прошипел Евграф Пантелеймонович.

— Да что Старостин-то... Новый инженер на кожевенной фабрике. Да вы присядьте, барин, присядьте. От этакой жары и удар немудрено получить. — Глашка заботливо усадила хозяина на стул у окна.

— Инженер, значит?

— Да-да, инженер, так мне охранник на проходной сказал, — Аглая взяла газету и стала обмахивать ей барина. — А ещё не женат, Илья-то Петрович... Болтливый жутко охранник оказался. Поведал мне ещё, что приехал недавно, жутко умный. Прикупил маленький домишко, сейчас живёт в доходном доме. Ну, это я и без него знала уже. Домик-то обустривает пока. Ах да! Сказал ещё, что, видно, не из простых сударь-то наш. Богат не по годам, но в расходах расчётлив. Вот спрашивается, откуда? Откуда это всё знает простой охранник? Полегчало, барин? Да вы уж не забудьте про завтра-то — дядьку-то навестить надо.

Евграф Петрович уже не слушал девку. Отвёл её руку с газетой и в задумчивости направился наверх

— Так не забудьте про завтра-то...

Евграф Пантелеймонович, не оглядываясь, махнул рукой.

— И за кулёк семушков вы должны мне две копейки... — крикнула вслед ему Глашка. Но Евграф уже этого не слышал.

Разговор с матушкой

Мария Игнатъевна продолжала вышивать, когда в гостиной появился супруг.

— Евграф Пантелеймонович, может, отобедаем уже?

— Некогда, Марьюшка, некогда, — отмахнулся от неё купец. — Тут надо подумать, и шибко подумать!

С этими словами он прошёл в кабинет.

— Аглая! — крикнула Мария Игнатъевна.

— Да тута я, тута!

— Где ты шляешься?

— Где шляюсь, где шляюсь... У Евграфа Пантелеймоновича спросите, где, — буркнула Глашка.

Она и без того расстроилась из-за того, что и полкопейки не получила от барина за свою беготню по жарким улицам, а тут ещё и барыня гневаться изволит.

— Накрывай к обеду!

Девица, опустив голову, ушла. А Мария Игнатъевна, оставшись одна, задумалась: «Что за день такой сегодня! Евграф сам не свой. Глашка битый час пропадала где-то. Верочка до сих пор не появлялась из своей комнаты...». Мария Игнатъевна быстрым шагом направилась в комнату дочери. «Пора, знать, пора, разобраться, что же происходит с Верочкой. Да и вообще — что творится в моём доме...» — размышляла она.

Открыв дверь комнаты дочери, она увидела следующую картину: Верочка сидела за столом, опустив голову на руки. Волосы были распущены, шпильки валялись на полу. Шкаф распахнут, ящики комода выдвинуты, кровать смята.

— Верочка! — позвала Мария Игнатъевна.

Та вздрогнула и подняла голову. Глаза были заплаканные, на румяных щёчках блестели слёзы.

— Душа моя, что случилось? Почему ты плачешь? — Мария Игнатъевна придвинула второй стул, села рядом, достала из кармана платок и стала вытирать слёзы дочери. — Расскажи, что с тобой происходит? Что случилось?

— Нет, нет, маменька! Стыдно! Стыдно сказать! — всхлипнула Верочка.

— Дитя моё, мне-то ты можешь сказать всё! Я же маменька твоя — мне всё можно рассказать.

Верочка вспомнила прекрасного незнакомца, и глаза её снова наполнились слезами. Она бросилась к маменьке на грудь и разрыдалась.

— Ну-ну, дитя моё, смелее, — Мария Игнатъевна нежно обняла Верочку одной рукой, другой приглаживала растрёпанные волосы.

Верочка словно в бреду повторяла:

— Нет! Нет! Стыдно это!

— Ну-ну смелее! — подбадривала её Мария Игнатъевна.

— Ах, маменька, маменька! Так как же? Как же? Я ведь даже имени его не знаю... А он! Он такой! Такой! — сквозь рыдания восклицала Верочка.

Мария Игнатъевна оторвала дочь от груди, взяла её за подбородок:

— Да ты никак влюбилась, дитя моё?

Та снова бросилась на грудь маменьке и сквозь слёзы поведала ей о прекрасном незнакомце. Верочка всё говорила и говорила: какая она несчастная, как он хотел угостить её монпансье, как тятенька отослал её домой, а она так хотела остаться... Как она несчастна, что даже имени его не знает.

Мария Игнатьевна начала понимать, что же сегодня происходило, почему Евграф вёл себя так странно и даже где шлялась Аглая. «Ох, Евграф, Евграф! Уж ты наверняка узнал, кто таков этот Верочкин незнакомец», — подумала она.

— Какая же ты несчастная? Ты самая счастливая! Девочка моя, когда же ты вырасти успела?

Так они и сидели, обнявшись. Верочка постепенно успокаивалась. Мария Игнатьевна встала, собрала шпильки, взяла в руки гребень и стала расчёсывать волосы дочери.

— Негоже, ой негоже влюблённой барышне ходить непричёсанной. Ничего, ничего. Всё будет хорошо! Вот увидишь.

Верочка ещё всхлипывала, но всё реже и реже. Мария Игнатьевна собрала волосы в незамысловатую причёску.

— Всё будет хорошо! И увидите вы ещё не раз! Поверь мне, душа моя!

В этом Мария Игнатьевна была более чем уверена. «Раз Евграф узнал... А он узнал, кто этот незнакомец», — в этом она не сомневалась. И поэтому сказал, что надо подумать. Мария Игнатьевна закончила с причёской.

— А сейчас, мой ангел, надобно умыться, — сказала она.

Верочка уже улыбалась.

— И убраться здесь, — Мария Игнатьевна окинула взглядом беспорядок, царивший в комнате. — И выходи к обеду.

Верочка с благодарностью снова уткнулась маменьке в грудь. Как же легко сделалось у неё на душе!

— А я пойду, у меня дела. Очень важные дела, — Мария Игнатьевна поцеловала Верочку в макушку и вышла.

«Глашка. Вот кто мне расскажет», — подумала Мария Игнатьевна. Она уже догадалась, куда посылал служанку Евграф. «Сейчас она всё мне расскажет», — с такими мыслями Мария Игнатьевна вошла в кухню. Глашка брэнчала посудой, собирая приборы к обеду.

— Аглая!

Та вздрогнула и выронила нож из рук.

— Аглая, а не хочешь ли ты мне рассказать: по какому поручению барина ты где-то битый час гуляла?

Глашка потупилась, подобрала нож и начала теревить край передника. Она не знала, может ли рассказывать кому-нибудь ещё о поручении. Мария Игнатьевна перебила её мысли:

— Глашенька, а не хочешь ли ты получить на Троицу в подарок те розовые бусики из нашей лавки?

«Бусики... Розовые бусики, — подумала Глаша. — Я так давно мечтала о них и уже начала копить деньги. И даже один раз тайком примерила...»

— Так я жду, Аглая!

«В конце концов, ведь Евграф Пантелеймонович ничего не сказал», — решила Глаша и выложила Марии Игнатьевне всё, что узнала о молодом инженере Старостине. Упомянула и про кулёк семушков за две копейки, и про жару на улице.

— Вот всё как на духу, матушка. А Евграф Пантелеймонович мне даже и спасибочки не сказал. А жара-то нынче какая — не иначе как гроза будет. Парит-то как... А вот у нас в деревне в грозу...

— Хорошо, Аглая, спасибо тебе. Вот тебе три копейки за труды твои тяжкие. И нож помыть не забудь! — Мария Игнатьевна подала служанке три копейки и вышла.

Теперь ей предстоял разговор с мужем. Зная его, Мария Игнатьевна боялась, что тот сейчас может пойти напролом к своей цели. А цель у него одна — пристроить Верочку. Но тут нахрапом нельзя, тут надобно умеючи. Мария Игнатьевна постучалась в кабинет мужа.

Я не буду утомлять, дорогой мой читатель, пересказом всего разговора между четой Силантьевых, но скажу одно: Мария Игнатьевна сумела убедить мужа позволить ей самой заняться устройством судьбы дочери — деликатно, так, как она считает нужным.

Утро после ночной грозы

Мария Игнатъевна всё ворочалась и ворочалась. События минувшего дня не давали ей покоя.

Когда же выросла её девочка? И как она этого не заметила? Дела и заботы по дому, младшие дочери требовали много внимания. А Верочка? Верочка росла, как одинокая былинка в большом поле. Теперь надо как-то помочь ей. Но как? И нужно не допустить тех же ошибок с младшенькими — Любушкой и Надюшей. Да, именно так называли они двойняшек. Имена они получили в честь бабушек. Сейчас девочки учились в уездном городе. Дома бывали редко, только на каникулах. Скоро, скоро они приедут. Как же она соскучилась! Ну зачем она послушалась Евграфа, который настоял на полном пансионе, отправив их из дому. Верочка... Бедная моя девочка. Влюбилась. Как же ей помочь?

А рядом вздыхал Евграф Пантелеймонович. Он тоже не спал, но думы у него были другие: «Зачем? Зачем послушал жену? Вот съездил бы завтра на кожевенную фабрику и разузнал всё про этого инженера Старостина, а может, и с ним свиделся. Пригласил бы на чай в субботу». Но тут же вспомнил про свой конфуз с приказчиком Кузиным. «Ох, ох, ох! Как же быть?»

Часы пробили полночь, и тут же молния осветила спальню.

«Права была Глашка, всё-таки напарило», — Мария Игнатъевна перекрестилась.

А в это время Верочка стояла у окна, но даже не заметила сверкнувшей молнии. Лишь когда грянул гром, вздрогнула, залезла под одеяло и укрылась с головой. Думала ли когда-нибудь она, что всего один день перевернёт её жизнь? Но уже не сомневалась, что теперь у неё начнётся новая жизнь.

«Маменька, милая маменька... Она ведь сказала, что всё будет хорошо». «Так кто же он?» — думы роились у девушки в голове. «А вы любите монпансье?» — этот голос звучал в голове Верочки, как песня.

Только Глаша спала без задних ног. И снились ей розовые бусики...

С утра Аглая отпросилась у Марии Игнатъевны в город.

«А то ведь помрёт ненароком дядька, а она, неблагодарная, даже и не навестила его».

К завтраку Евграф Петрович вышел мрачнее тучи — не выспался. Мария Игнатъевна накрывала к завтраку сама.

— Доброе утро, Евграф Пантелеймонович. Как спалось? Гроза-то какая ночью была!

В гостиной появилась Верочка. Волосы она уложила в валик вокруг головы, но два локона, как будто специально выбившиеся, обрамляли лицо. В ушах скромно блестели два маленьких изумруда — подарок матери на восемнадцатилетие. Они так шли к её тёмно-зелёным глазам. Платье Верочка выбрала под стать — зелёный атлас переливался и дополнял картину. Мария Игнатъевна одобрительно улыбнулась. «Какая же она красавица у нас!»

— Доброе утро, душа моя! Как спалось?

— Доброе утро, маменька! Гроза...

Верочка подошла к Марии Игнатъевне, и та поцеловала её в макушку. На ушко шепнула:

— Всё правильно, дитя моё, всё правильно!

Верочка благодарно улыбнулась.

— Доброе утро тятенька...

— Доброе утро! — Евграф Пантелеймонович выглянул из-за газеты и снова вернулся к чтению, но вдруг вновь посмотрел на дочь. Он не верил своим глазам: «Верочка ли это?»

— Давайте завтракать.

— Конечно, маменька, я так проголодалась. А гроза-то какая была! Я утром открыла окно — на улице так хорошо, свежо.

Теперь Евграф не поверил своим ушам: то из неё слова не вытащишь, а то щебечет без умолку. Но того, что последовало дальше, он никак не ожидал.

— Батюшка, можно я сегодня помогу вам в лавке? Мне всё равно делать нечего, пока девочек дома нет.

— Ну... — Евграф хотел было напомнить Верочке про шёлк, но дочь его перебила:

— Я знаю батюшка, я тогда очень сильно подвела вас. Но позвольте мне ещё раз попробовать?

— Да и вправду, Евграф Пантелеймонович, позволь Верочка ещё раз испытать себя.

Евграфу ничего не оставалось, как сдаться.

— Ещё дозволь мне отлучиться. Хочу Елизавету Петровну навестить, — попросила Мария Игнатьевна и мило улыбнулась мужу.

Евграф Пантелеймонович недолюбливал подругу жены — уж больно манерной та была. Но вспомнил, что Елизавета Петровна Коростылёва — жена управляющего кожевенной фабрики.

«Так вон, что ты задумала, Марьюшка!» — понял он.

На том и порешили. Евграф Пантелеймонович пошёл распорядиться насчёт экипажа для жены. Верочка спустилась в лавку, а Мария Игнатьевна ушла собираться в дорогу.

Чаепитие в саду

Отправимся и мы вместе с Марией Игнатьевной к Елизавете Петровне Коростылёвой. Этот персонаж требует особого внимания. С Лизочкой, как её называла Мария Игнатьевна, они вместе учились в гимназии и с тех пор дружили.

Сразу после гимназии Лиза выскочила замуж за тридцатипятилетнего инженера. На все протесты родителей она отвечала: «Я из него человека сделаю». Нестер был человеком тихим и во всём подчинялся жене. Лиза же, родив сына через год после свадьбы, проявила свой нрав во всей красе. Однажды утром, вскоре после родов, лёжа в постели, заявила:

— Нестер Иванович, больше этого не повторится. И не надейтесь!

Счастливым отец, держа сына на руках, был вне себя от счастья и почти не слушал супругу.

— Вы слышали, что я сказала?

— Да, да, душа моя! Конечно, я слушал вас очень внимательно. Смотри, мне кажется, он мне улыбнулся! — Нестер Иванович напоминал ребёнка, получившего любимую конфету.

— Так вы согласны?

— Несомненно, душа моя! Как я могу не согласиться с мамочкой такого чудного мальчика?

Глаза Елизаветы Петровны сверкнули победоносным огнём. Нестер Иванович этого не заметил: он лишь хотел, чтобы Лизоньке было хорошо. Любил её без памяти, несмотря на все причуды.

Но однажды он всё-таки пошёл против воли жены. Одной из причуд Лизоньки было называть всех на французский манер. Сама она требовала, чтобы в обществе её именовали Элизабет, хотя для подруг и мужа оставалась Лизонькой. Листая словарь французских имен, она наконец объявила, что сына назовёт Марселем.

Нестер долго молчал. Потом подошёл к кровати с младенцем и отрезал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.